

При выяснении этого вопроса Муравьев плодотворно использовал метод выявления соответствий между фактами истории России и истории развития европейских стран. Поиски такого рода соответствий между событиями мировой и русской истории были, по мысли С. Л. Пештича, важным моментом в становлении историзма в России.³⁰ Такой подход помогал исследователям осознать, в чем состоит своеобразие исторического пути России. Сходство подчеркивало различия. Но сравнения зачастую носили поверхностный, внешний характер. Муравьев же использовал этот метод для построения достаточно сложных концепций культурного обмена. В статье «Слабость удельного правления» Муравьев писал: «Как египетские выходцы, нападающие морем на берега Эллады, полагают в Греции основания монархий, так славяне призывают добровольно правителя из варягов. Походы славянские под Царьград вспоминают ополчение греков под Трою. Но сие происшествие в Греции последовано было переменою правления: Россия заимствовала от просвещеннейших неприятелей веру и нравы... Греция была всегда разделена на особые общества и правления так, как Россия после Владимира. Но разделение Греции было для нее менее пагубно» (I, 345—346). Кроме того, Муравьев параллельно, как фон, обрисовывает ход развития европейских стран в соответствующую эпоху.

Повторяя тезисы, уже выдвинутые русской историографией, Муравьев постоянно вводит такого рода соотношения. Так, повторяя упорно отстаиваемую русскими историками, от Ломоносова до Карамзина, мысль о «прекрасной», «бодрой» юности русского народа, Муравьев в «Письмах к молодому человеку» соотносит этот период расцвета с одновременным упадком европейских стран: «Народ славянский, будучи, по свидетельству истории, просвещеннее окружавших его пастырских народов, имел уже гражданские установления и угрожал войною или соревновал в сиянии упадающей державе Константина. В периоде безотрадном и темном, в котором томилась Европа, Новгород привлекал сокровища Севера и Востока, поражал славою отдаленные народы и полагал основания буйственной вольности своей» (I, 378).

При этом Муравьева интересуют и причины этого расцвета, и события, задержавшие впоследствии историческое развитие России. В статье «Краткое начертание Российской Истории» (1785—1789 гг.) он пишет: «Просвещение, рано принесенное из Греции, не могло быть приведено в совершенство в беспрестанном прении о владычестве и после под губительным игом варваров» (II, 9).

Но Муравьев не просто отмечал черты сходства и различия в культуре разных народов, а пытался рассмотреть именно факты взаимного влияния качественно разнородных культур. Французские просветители учитывали возможность влияния только более развитого народа на менее развитый. Тюрго, например, в статье

³⁰ Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Л., 1965, т. II, с. 85.